Н.С. Терлецкий

«ЗНАМЯ ДЛЯ МОЛЕНИЯ» (СИМВОЛИЗМ И ФУНКЦИИ ТУГА В ПРАКТИКЕ ЗИЙАРАТ У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ)

Часто встречающиеся в различных регионах Центральной Азии высокие деревянные шесты (*туги*) являются одним из важных (хотя, впрочем, необязательных) атрибутов мест паломничества и поклонения мусульманского населения (*мазар*ов). В первую очередь это касается *мазар*ов, являющихся местами захоронений почитаемых мусульманских праведников (*аулийа*, *пир*ов, *шайх*ов). Форма *туг*а может варьироваться, но в своем наиболее распространенном виде представляет длинный деревянный столб с навершием (*тадж-и туг*) в виде раскрытой ладони (*панджа*, *хамса*) или нераскрывшегося бутона. *Тадж-и туг* обычно выковывался или отливался из металла, преимущественно железа, реже из бронзы или серебра (навершие из более дорогого материала свидетельствовало о значительной популярности и благосостоянии мазара). Сам шест может быть изготовлен в виде цельной деревянной жерди либо же быть составным и представлять собой несколько звеньев, скрепляемых друг с другом. Под навершием установлена перекладина незначительной длинны, к которой крепится кусок материи обычно треугольной формы (в основном красного или белого цветов), пучки конского волоса (или конский хвост), иногда колокольчики и разноцветные ленты (Бабаджанов, Некрасова 1999: 85). *Туги* (знамена), являясь отличительным признаком могилы почитаемого мусульманского праведника, могут быть укреплены как снаружи мазара, так и внутри надгробного сооружения (Снесарев 1983: 35).

Несомненно, сам *туг*, равно как и подавляющее большинство остальных элементов, формирующих традицию совершения паломничеств и поклонения (*зийарат*), уходят корнями в доисламскую эпоху (по-видимому, едва ли не единственным исключением здесь можно признать молитвенные формулы, произносимые паломником), хотя и прочно ассоциирован в сознании верующих с религией пророка Мухаммада. Водружение на почитаемых местах захоронений деревянных шестов с полотнищами ткани получило новую интерпретацию, при этом зачастую народные толкования символики и предназначения *туг*ов приобретают формы, весьма далекие как от их изначального предназначения, так и от норм и правил классического ислама.

Часто *туг* называют «знаменем для моления», которое, согласно легенде, впервые по повелению Аллаха было спущено с

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН

неба для Мухаммада архангелом Джабра'илом (Чвырь 2006: 149). Подобное объяснение отчасти перекликается с функциями *туг*ов у древнетюркских народов, у которых они соотносились с символами верховной власти — знаменем или барабаном. Упоминания об использовании термина *туг* применительно к барабанам имеется у Махмуда ал-Кашгари в *Диван лугат ат-турк*. Он говорит о *туг*ах как о барабанах, в которые били в присутствии (или предвещая прибытие) правителя. В исламскую эпоху схожее значение приобрел термин *наккара*, обозначающий ударный музыкальный инструмент, составляющий основу *наккара-ханы* — своеобразных придворных оркестров, совмещающих функции военного оркестра и музыкального сопровождения придворных церемоний (Lambton 1999). Что касается знамени, то здесь речь шла о боевом штандарте и знамени, обозначающем место сбора на поле битвы. Традиционный древнетюркский *туг* представлял собой конский хвост (или пучок конского волоса) прикрепленный к жерди. В районах глубинной Центральной Азии (Тибете и прилегающих территориях) использовался также хвост яка. Знамя являлось одним из внешних знаков ханской власти. Ссылаясь на сведения Махмуда ал-Кашгари, академик В.В. Бартольд говорит о том, что «высшее число знамен, которое могло быть у одного *хан*а, было девять; когда говорили о *хан*е с девятью знаменами (*токуз туглуг хан*), то это вызывало представление о самых могущественных *хан*ах» (Бартольд 1968: 101). Ал-Кашгари описывает *туг* как знамя (*'алам*) правителя, изготовленное из парчи или шелка оранжевого цвета. Последнее следует, по всей видимости, считать следствием влияния Китая, а некоторые исследователи напрямую рассматривают термин *туг* как заимствование китайского *ту* (знамя) (Bosworth 1999). В условиях исламской цивилизации во времена ранних *осман*ов *туг* продолжал являться символом верховной власти или знаком наместника верховного правителя. В военные походы *султан*ы выступали под своими боевыми знаменами и *туг*ами (конскими хвостами, свешивающимися с шеста, увенчанного круглым золотым навершием). Число подобных штандартов достигало семи или девяти; наместники *султан*а, *вазир*ы, *бикларбий*и, как представители власти более низких рангов, имели меньшее число *туг*ов.

Г.П. Снесарев, рассматривая вопрос о том, каким образом знамя со стягом, бунчуком и навершием как явно военный аксессуар стало непременной принадлежностью культа *аулийа*, указывает на напрашивающееся объяснение этого факта воинствующим характером процесса распространения ислама. Однако от-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН

сутствие знамен как культовых атрибутов в мечетях и зачастую вполне миролюбивый характер многих персонажей мусульманской агиологии делают подобное истолкование не вполне логичным, в то время как широкое применение знамен или их имитаций в погребально-поминальной обрядности более древних культур наталкивает на предположение, что *туги* в качестве обязательной принадлежности *мазаро*в могли проникнуть в эту область религиозных представлений вместе с той основой, на которой и развился культ *аулийа* — погребально-поминальной обрядностью, связанной с поклонением родовым предкам и вождям (Снесарев 1969: 275). Определенное совмещение символизма *туг*а как военного атрибута, с одной стороны, и элемента погребально-поминальной обрядности — с другой, можно попытаться проследить в традиции обязательного возведения *тугов* на могилах *гази* (борцов за веру, павших мученической смертью) (Снесарев 1983: 44). Некоторые исследователи свидетельствуют о том, что погребения арабских полководцев, участвовавших в первых завоевательных походах и принявших активное участие в распространении ислама за пределами Аравии, отмечались боевыми штандартами и были объявлены почитаемыми местами, т.е. *мазарами*. Обычай водружать на могиле праведников знамя сохранился с тех времен, потеряв со временем свое первоначальное значение (Камол 2005: 112).

В описаниях знахарских (шаманских) практик приводятся любопытные сведения о другой функции *туг*а. В частности, у населения Восточного Туркестана (в первую очередь уйгуров) обычным местом проведения камланий было помещение, в центре которого заранее вертикально натягивали веревку (*туг*), и все происходило вокруг нее (Чвырь 2006: 148). Приведенное ниже описание, а также символизм как всего сооружения, так и отдельных его элементов наводят на предположение о том, что деревянный и веревочный *туги* если и не являются всего лишь разными видами одного и того же предмета, то по меньшей мере имеют общее происхождение и обнаруживают значительное совпадение в деталях:

«Черная шерстяная веревка (*туг*), натянутая вертикально в центре комнаты между вбитым в пол колышком и потолочной балкой, в прямом и переносном смысле была центром шаманского действа у уйгуров. На высоте человеческого роста к ней прикрепляли небольшой белый платок (*яхлик*), а еще выше — связку разноцветных лент (*хелем*) <...>» (Чвырь 2006: 148).

Упоминается также об исполнении больным, шаманом-знахарем и прочими участниками церемонии своеобразного ритуаль-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН

ного «танца» вокруг *туга* (круговых обходов) как части подготовительных действий для призывания и задабривания духов (Чвырь 2006: 154, 156). В этой связи напрашиваются прямые аналогии с практикой суфийских радений, включающей в себя и ритуальные обходы (в частности, круговые обходы (*таваф*) *мазаров* или *тугов* при *мазарах*).

Центральное положение *туга* во многих обрядах подразумевает его ключевое сакральное значение. К древнейшим представлениям следует отнести восприятие вертикально установленного шеста или столба как символа связи земной и небесной сфер, мира людей и духов, живого и мертвого. Уподобление *туга* «мировому древу» (Снесарев 1969: 67) вполне логично укладывается в научные представления о типичной для шаманов картине мира. Так, в частности, имеется свидетельство, что посредством *туга* (веревочного) шаман поддерживает связь с духом предков; *туг* необходим для жертвоприношений, а привязанные к нему платки и ленты обозначают различные уровни Неба или ступени лестницы, по которой можно подняться наверх (Чвырь 2006: 148). Впрочем, для реалий оседлого населения Центральной Азии подобные представления о своеобразном путешествии шамана в потусторонний мир, характерные для шаманизма, являются скорее исключением (по всей вероятности, они остались в далеком прошлом), а довольно архаичная схема мироздания, типичная для шаманизма, была вытеснена (или, скорее, дополнена) мусульманской космологией (Басилов 1992: 88, 230). В условиях господства мусульманской религии частью населения *туг* воспринимается как средство связи почившего праведника с Богом или же паломника с духом *вали*, вознесшимся к «трону Аллаха». Привязывание вотивных лоскутов ткани к *тугу*, прикосновения паломников к нему как атрибуту святилища являются не только формальным знаком обета, но также представляют собой акт, устанавливающий магический контакт между объектом культа и человеком.

Подобные представления о *тугах* прослеживаются также на примере знахарских практик, когда в процессе процедуры изгнания хвори из тела больного часто «переводили» болезнь (или злотворных духов, вызывающих ее) на другие объекты. Для этой цели использовались разнообразные обрядовые предметы (исследователи сообщают о применении пучков растений или веток, хлебных лепешек, легких животного, живых или мертвых птиц, специальных кукол (*кончак*, *койчак*) и т.д. — (см. Басилов 1992: 198–199; Малов 1961: 134, 139). Повсеместно употреблялась для этого и ткань, куски материи разнообразного размера, привязы-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН

ваемые к *тугу* (Чвырь 2006: 153). Использование *туга* в подобных практиках, основной задачей которых являлось «выманивание» недуга из тела больного и последующие заклинания, уговоры или принуждение этого зло-(болезне-)творного духа покинуть мир людей и вернуться в мир иной, подкрепляет указанные выше предположения о древнем символизме *туга* как о своеобразном связующем звене между мирами.

Следует отметить также и вероятную ассоциацию *туга* с атрибутом власти, когда шест с полотнищем ткани и пучком конского волоса, возведенный на могиле почитаемого человека, символизирует его авторитет, «власть над душами» посетителей *мазар*а.

Однозначно определить, в какой степени в бытовом исламе видоизменились изначальные доисламские ритуальные и религиозные функции *туга,* представляется делом весьма непростым. Видимо, уже с XIV в. в Центральной Азии *туг* становится непременным атрибутом мест поклонения, несмотря на весьма неодобрительное отношение к нему (а вернее, к окружавшим его действиям, носящим явно языческий характер) со стороны *суннитского* духовенства (даже представителей *ханафит*ского *мазхаб*а, наиболее терпимого к проявлениям и сохранению в тех или иных формах обычаев (*‘урф, ‘адат*), имевших доисламское происхождение) (Бабаджанов, Некрасова 1999: 85). Тем не менее установка нового *туга* (или обновление старого) над могилой почитаемого праведника стала считаться богоугодным делом, относящимся к поступкам категории *саваб* (букв. «правильность, благоразумие») — категории, характеризующей правильные и верные поступки, помыслы или слова, в противоположность ошибкам (*хата’*). Средневековые письменные памятники повествуют о традиции возведения *тугов* на местах захоронения мусульманских праведников. Так, в сочинении *Тазкира-йи Хваджа Мухаммад Шариф*, посвященном жизни и деяниям известного деятеля суфизма, руководителя (*пир*а) суфийского братства *увайсийа*, духовного наставника и политического советника кашгарского правителя ‘Абд ар-Рашид-хана, Хвадже Мухаммаду Шарифу (ум. 973/1565–66 г. или 963/1555–56 г.) (Baldick 1993), в частности, говорится: «Остаток жизни Хазрата Великого Ходжи (т.е. Хваджи Мухаммада Шарифа. — *Н.Т.*) прошел в Яркенде. Он ежедневно выезжал и совершал прогулки по окрестностям города. Повсюду в земле лежали святые, но никто не знал этого. Хазрат Великий Ходжа вонзал в землю на таких местах *туг,* устраивал *мазар* и проезжал дальше, назначив *шайха*, подметальщика, *имама* и *муаззина*» (Тазкира 1969: 235).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН

Несомненно, *туги* выполняют и вполне утилитарные задачи, являясь определенными маркерами почитаемых мест, позволяющими паломнику издалека определись месторасположение *мазара*, а прохожему вовремя прочитать положенную благопожелательную заупокойную молитву (*ду'а*). Как было указано выше, *туги* широко используются паломниками и для привязывания лоскутов материи, лент, тряпочек, выполняющих функции вотивных предметов, особенно в условиях пустынной местности, когда невозможно использовать для этой цели ветви деревьев или кустов, находящихся поблизости. Однако, несомненно, функции *туга* не исчерпываются лишь целями практического характера и несут в себе глубокий сакральный символизм, сохранившийся в народном сознании и получивший новое осмысление в условиях смены мировоззренческих установок.

Библиография

Baldick J. Imaginary Muslims. The Uwaysi Sufis of Central Asia. London, 1993.

Bosworth C.E. Tugh // The Encyclopaedia of Islam: CD-ROM / Edition v. 1.0, Koninklijke Brill NV. Leiden, 1999.

Lambton A.K.S. Nakkara-khana (Nakara-khana) // The Encyclopaedia of Islam: CD-ROM / Edition v. 1.0, Koninklijke Brill NV. Leiden, 1999.

Бабаджанов Б.М., Некрасова Е. Туг // Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. М., 1999. Вып. 2.

Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Сочинения. М., 1968. Т. V.

Басилов В.Н. Шаманство у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

Камол Хамза (Хамзахон Камолов). История мазаров Северного Таджикистана. Душанбе, 2005.

Малов С.Е. Уйгурские наречия Синьцзяна. М., 1961.

Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969

Снесарев Г.П. Хорезмские легенды как источник по истории религиозных культов Средней Азии. М., 1983.

Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков: Извлечения из персидских и тюркских сочинений. Алма-Ата, 1969.

Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX–XX вв.: очерк народного ислама в Туркестане. М., 2006.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-150-3/
© МАЭ РАН